



**Н. О. ЛОССКИЙ**

**Н. Ф. Федоров**

В развитии христианского миропонимания особняком стоит философ Николай Федорович Федоров (1828<sup>1</sup>–1903), оригинальные идеи которого до сих пор очень мало изучены, несмотря на то что в свое время они произвели сильное впечатление на Вл. Соловьева, Достоевского, Льва Толстого. Жизнь этого человека заслуживает обстоятельного изучения. Без сомнения, это был подлинный праведник, неканонизированный святой. <...>

Свое учение Федоров связывает с христианской религиею, именно с православием как тем вероисповеданием, которое особенно ценит идею воскресения (праздник Пасхи) и вечной жизни. Долг человека — вступить на путь *супраморализма*, осуществить синтез теоретического и практического разума и стать разумом вселенной. Путем знания и действия человек должен превратить все силы природы, теперь слепые и часто враждебные человеку, в орудия и органы человечества. Достигнув управления природою, человечество может преодолеть смерть; мало того, оно может и должно поставить задачу *трудового воскрешения* всех своих предков. Став многоединым, подобно Троиединству Божию, Отца, Сына и Духа Святого, человечество достигнет такой «нераздельности и неслиянности», при которой невозможны никакие распады, никакая изоляция, т. е. смерть.

Небратское, неродственное отношение людей и народов друг к другу Федоров объясняет тем, что под давлением грозных смертоносных сил природы каждый человек занят делом личного самосохранения; вследствие этого эгоизма силы людей раздроблены и потому недостаточны для решения великой задачи управления природою. Мало того, они направляются отчасти даже на борьбу человека с человеком и народа с народом. Общественный порядок, возникающий на почве эгоизма, Федоров называет зооморфическим, он основан на разделении сознающих и руководящих от исполняющих органов. Отсюда возникают сословные и классовые разъединения. Разъединение сознания и действия приводит к то-

му, что каста ученых, занятая одним лишь созерцанием, приходит к ложным учениям о мире и к ложному направлению всей своей ученой деятельности: ученый-созерцатель утверждает — «мир есть мое представление»; он занят только изучением *сущего*, отрывая его от *должного* (12)<sup>2</sup>; он не интересуется вопросом о конечной цели жизни; он не изучает причин неродственного отношения людей друг к другу и т. п. Из ложного учения, будто мир есть только мое представление, возникает и ложная практика, напр<имер> морфинизм, как решение мирового вопроса для себя путем превращения неприятных представлений в приятные с помощью наркотиков, или гипнотизм, как средство «заговаривания» вместо воспитания воли и ума (14). Великие научные открытия и изобретения, напр<имер> взрывчатые вещества, применяются в таком обществе прежде всего не для общего блага, а для борьбы друг против друга.

Идеальный общественный строй, по Федорову, должен быть построен на единстве сознания и действия. При нем нет разделений на сословия и классы, нет военного и полицейского принуждения, нет также «демиургической», т. е. ремесленной деятельности, оформляющей извне данные материалы и отношения. В идеальном строе, который Федоров называет «психократией», каждое лицо исполняет свой долг, сознавая необходимость стоящих перед ним задач.

Научная деятельность в этом строе есть «командировка» для познания слепых и убийственных сил природы с целью превращения их в живородящие; исполнение всякой социальной функции сопровождается работой изучения и познания соответствующей ей области мира.

Научившись управлять силами природы и таким образом устранив голод и всякую нужду, человечество, по мнению Федорова, устранил вместе с тем и причины розни между людьми. Оно сосредоточит все свои силы на общем деле регуляции земной природы и даже космоса в целом. Опыты вызывания дождя посредством пушечной пальбы, произведенные в 1891 г. в Америке как раз во время страшного голода в России, вызванного засухой, произвели огромное впечатление на Федорова. Он говорит о необходимости сохранения армий в будущем идеальном строе, но не для взаимного истребления, а для общего дела регуляции природы.

Планы Федорова идут чрезвычайно далеко. Он говорит об управлении метеорологическими процессами, которое должно обеспечить правильные урожаи. Далее, он говорит об использовании солнечной энергии, которое упразднит одну из самых тяжелых форм промышленности, добывания каменного угля. Но этого мало. Он проектирует каптирование электромагнитной энергии земного шара, которое дало бы возможность управлять движением

Земли в мировом пространстве и превратить ее в земледелие, своего рода судно для космических путешествий. Опасность перенаселения Земли не пугает его, так как он думает о возможности колонизации других планет и небесных тел.

Высшая цель, для которой должно быть использовано управление силами природы, есть воскрешение всех предков. Позитивистическую теорию прогресса, бессердечно относящуюся к прошлым поколениям и строящую благополучие потомков на трупах и страданиях предков, Федоров считает безнравственной (18–25). «Жить нужно не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех; это и есть объединение живущих (сынов) для воскрешения умерших (отцов)» (вып. II, 48)<sup>3</sup>. Даже неверующие люди, напр<имер> материалисты, не могут, согласно Федорову, найти доказательство невозможности задачи трудового воскрешения предков и потому не имеют права уклониться от нее. «Соберите машину, и сознание вернется к ней»<sup>4</sup>, — говорит он. Разложение тела и полное рассеяние частиц его не может быть абсолютным препятствием для восстановления его, так как частицы тела не могут выйти из пределов пространства.

Федоров называет воскрешение, проектируемое им, имманентным; он осуждает стремление к трансцендентному, потугостороннему бытию. Идеал, поставленный им, есть осуществление Царства Божия здесь, на земле.

Экономист и философ Н. А. Сетницкий, профессор университета в Харбине, в своей книге «О конечном идеале» (1932) говорит, что сближение знания и действия осуществляется в Советской России, где научная деятельность понимается как «своеобразная командировка способных лиц для выполнения ими повинности знания слепых и убийственных сил природы, и, кроме того, ставится требование, чтобы все деятели, исполняющие ту или иную социальную функцию (служащие и чиновники), в то же время осуществляли работу изучения и познания в той сфере деятельности, которая им поручается». Точно так же во многих технических проектах советского правительства он усматривает «несомненное воздействие и осуществление федоровских идей, хотя по большей части его имя, как окрашенное весьма сильно в религиозные цвета, не упоминается и даже смысл и связь этих дел с замыслами Федорова не сознается. Так, наиболее ярким примером в этой области является рецепция в советской действительности того направления, которое придано Федоровым борьбе с засухой». «То же самое следует сказать о последних проектах использования водных путей СССР» (проблема «Большой Волги», орошения Туркестана и т. д., 82)<sup>5</sup>.

Можно было бы здесь указать и еще более смелые замыслы, обсуждавшиеся в советской прессе, напр<имер>, проект отопления

Сибири путем изменения пути Гольфстрима и отклонения полярных льдов к Англии с целью заморозить ее, как страну, являющуюся воплощением ненавистного капитализма.

В действительности, как известно, даже и осуществимые технические проекты не ведут в Советской России к возрастанию материального благополучия. Достоевский давно уже предсказал, что попытка строить «Вавилонскую башню» только на основах науки «без Бога и религии», без нравственного обоснования общественных отношений, как это делается советскими коммунистами, неизбежно приведет к совершенному обнищанию и омертвлению.

Философия Н. Ф. Федорова поражает своеобразным сплетением в ней глубокой религиозной метафизики, напр<имер>, в учении о Св. Троице как идеале любовного единства нескольких лиц, с натуралистическим реализмом в учении, напр<имер>, о средствах трудового воскрешения предков. Речь идет о воскрешении человека в теле, по-видимому, не преобразованном<sup>6</sup>, так что сохраняется необходимость в питании, возникает задача колонизации других небесных тел, и достигается все это средствами высоко развитой науки и техники. С этой стороны учения Федорова приближаются к современным планам натуралистов, думающих о продлении жизни на неопределенно долгое время путем совершенства врачевания, гигиенического усовершенствования условий жизни и т. п.

Натурализм Федорова в сочетании с христианским учением о воскрешении во плоти противоречив. В самом деле, тело, состоящее из непроницаемых частиц, т. е. частиц, совершающих процессы отталкивания в отношении к среде, необходимо связано с борьбою за существование и, следовательно, со злом. Сохранение такого тела на долгое время требует большого труда и высокой степени предусмотрительности. Но хуже всего то, что вечное сохранение его, если бы и было достижимо, было бы увековечением зла и низших форм бытия. Христианство ставит идеал бесконечно более высокий: оно имеет в виду *преобразованное* тело, не содержащее в себе процессов отталкивания, создающих непроницаемость; по самому понятию своему это тело таково, что в мире нельзя найти и даже помыслить силу, способную разрушить его.

Преобразованное тело создается не научною техникою; оно творится при благодатной помощи Божией духом человека, любящего Бога больше себя и все другие существа, как себя самого, и потому свободного от всяких эгоистических обособлений. В основе христианского учения лежит убеждение, что нравственное зло гордыни и вообще себялюбия первично, а все остальные виды зла — несовершенство тела, слепой характер сил природы и рознь человека с нею — суть следствие первичного зла. Поэтому и искупление от зла достижимо не иначе, как путем устранения основной причины его — отпадения от Бога. Федоров ставит следствие на место

---

причины, когда говорит, что тяжкая борьба каждого человека за сохранение своего существования создает рознь его с другими людьми; в действительности, наоборот, рознь между людьми и рознь человека с природою ведет к тяжелой борьбе за существование.

Философские труды Федорова производят впечатление мыслей автодиакта-самородка, недостаточно систематичного и последовательного вследствие отсутствия школы и крайнего сосредоточения на одной излюбленной идее. Однако они полны оригинальных и глубоких замечаний по самым различным вопросам, напр<имер>, по вопросу о несовершенствах научного знания, оторванного от практической деятельности, о позитивистической теории прогресса или, напр<имер>, когда он сравнивает старое готическое письмо немцев и древнее русское уставное письмо с современною скорописью<sup>7</sup>. Возможно, что философия Федорова будет иметь возрастающее влияние в наше время, когда человечество благодаря необычайному развитию науки и техники начинает ставить все более смелые задачи.

